

ОЛЕГ БУДНИЦКИЙ

ЗОЛОТО КОЛЧАКА

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Олег Витальевич Будницкий

Золото Колчака

Серия «Что такое Россия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67567352

Золото Колчака: Новое литературное обозрение; Москва; 2022

ISBN 9785444820087

Аннотация

Судьба «золота Колчака» – части золотого запаса Российской империи, попавшего в руки белых в 1918 году – одна из самых известных и волнующих загадок русской истории XX столетия. На основе материалов американских, британских и российских архивов историку Олегу Будницкому удалось разрешить эту загадку и проследить движение вырученных от продажи золота денег, которые расходовались до конца 1950-х годов. Смысл подобного исторического «расследования» заключается не только в том, чтобы поставить точку в затянувшихся дебатах об участии «золота Колчака». Этот сюжет служит стержнем, на который «нанизаны» проблемы истории Белого движения и его заграничного финансирования, взаимоотношений белых и их союзников, российской «дипломатии в изгнании», русской эмиграции и другие. В конечном счете это еще одна попытка ответить на ключевой вопрос российской истории XX века: почему в Гражданской войне победили красные, а не белые. Олег

Будницкий – доктор исторических наук, профессор, директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ, член Европейской академии; специалист в области российской истории второй половины XIX – XX веков.

Содержание

Введение. ГДЕ ДЕНЬГИ?	5
Глава 1. ДЕНЬГИ ДЛЯ «БЕЛОГО ДЕЛА»	18
ЗАГРАНИЧНЫЕ «ПУТЕШЕСТВИЯ»	19
РУССКОГО ЗОЛОТА. ВНЕШНИЕ ЗАЙМЫ	
ЗАХВАТ. ЗОЛОТО: ОТ КАЗАНИ ДО	26
ОМСКА	
МИНИСТР ФИНАНСОВ, ОН ЖЕ ВАНЬКА	37
КАИН	
ОТ ДИРЕКТОРИИ К ДИКТАТУРЕ	44
КОЛЧАКА	
ДИПЛОМАТИЯ В ИЗГНАНИИ	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Олег Будницкий

Золото Колчака

Введение. ГДЕ ДЕНЬГИ?

15 января 1920 года в 9:55 вечера на станции Иннокентьевская близ Иркутска союзники передали бывшего «Верховного правителя России» адмирала Александра Колчака уполномоченным иркутского эсеров-меньшевистского Политцентра. Вместе с адмиралом в руках Политцентра оказалась часть золотого запаса Российской империи, вошедшая историю под названием «золота Колчака». Вскоре и адмирал, и золото оказались в распоряжении большевиков. В ночь на 7 февраля 1920 года Колчак был расстрелян, а золото на общую сумму 409 625 870 золотых рублей, не считая копеек, доставили в Казань. Что же стало с остальным золотом? Ведь противникам большевиков летом 1918 года досталось золотых слитков, монет, кружков и полос на общую сумму 645 410 000 золотых рублей. Нетрудно подсчитать, что разница составляет без малого 236 миллионов.

Кое-что о судьбе колчаковского золота стало известно из публикаций, появившихся в начале 1920-х годов и исходивших из враждебных лагерей.

4 июля 1920 года в газете «Нью-Йорк таймс» была опубли-

ликована сенсационная статья «Приключения российского золотого запаса и его современное состояние». Компетентность автора сомнений не вызывала, ибо им был не кто иной, как В. И. Новицкий – бывший заместитель министра финансов колчаковского правительства. Он еще не раз появится на страницах этой книги. В следующем году статья Новицкого в существенно дополненном виде была напечатана в журнале «The Russian Economist / Записки русского экономического общества в Лондоне».

В статьях Новицкого в общих чертах была раскрыта судьба «золота Колчака». Всего с мая по сентябрь 1919 года французам, англичанам и японцам было продано 3232 пуда (пуд = 16,38 кг). золота на общую сумму 35 186 145 долл. Еще 6002 пуда на сумму 65 342 940 долл. было депонировано в различных зарубежных банках. Из них 16 330 291 долл. – в обеспечение японского кредита на 30 млн иен, 46 835 277 долл. – под заем у синдиката англо-американских банков и, наконец, 2 177 372 долл. – под покупку в США винтовок и пулеметов.

Что побудило Новицкого раскрыть «тайное тайных» белой дипломатии и насколько можно доверять приведенным цифрам? Во-первых, для большевиков история отправки золота за границу тайной уже не была, ибо в их руки попали архивы колчаковского правительства. Во-вторых, в конце 1919 – начале 1920 года в политике Англии по отношению к России произошли резкие изменения. Помощь анти-

большевистским силам была прекращена, и правительство Д. Ллойд Джорджа взяло курс на нормализацию отношений с Советской Россией, рассчитывая за счет торговли с ней улучшить собственную экономическую ситуацию. В Лондон зачастили большевистские эмиссары – Л. Б. Красин, Л. Б. Каменев, чего раньше невозможно было и представить. Публикуя данные о количестве проданного и депонированного за границей золота, Новицкий хотел продемонстрировать англичанам, да и другим потенциальным охотникам торговать с большевиками, что платежные возможности борцов с мировым капиталом весьма ограничены: кроме золота, стране с разрушенной экономикой нечего было предложить Западу за его товары.

Что же произошло с деньгами, полученными от реализации золота и в результате «золотых займов»? Сведения, добытые большевиками в колчаковских архивах, были представлены ими на конференции в Генуе в меморандуме, озаглавленном «Претензии Советского государства к странам, ответственным за интервенцию и блокаду». Меморандум был составлен профессором Н. Н. Любимовым, заместителем директора Института экономических исследований при Наркомате финансов РСФСР (экспертом советской делегации в Генуе).

В меморандуме, распространенном 8 мая 1922 года, говорилось:

Точное количество золота, которое правительство

Колчака перевело за границу на счета своих финансовых агентов в уплату частным фирмам, нам в настоящее время не известно... Всего по данным Кредитной канцелярии в г. Владивостоке на 8 июля 1920 г. на счетах финансовых агентов Колчака в разных городах числилось свыше 60 млн зол. руб., а именно:

У Миллера в Токио иен 6 660 273

долл. 170 000

фр. 424 000

ф. ст. 25 000

мекс. долл. 450 000

шанх. таэлей ¹ 695 797

У Самена ² в Лондоне ф. ст. 606 644

в Париже фр. 21 279 482

У Угета в Нью-Йорке амер. долл. 22 500 000

У Крживицкого в Шанхае мекс. долл. 30 000

Кроме того, в распоряжении Кредитной канцелярии находилось:

В Индо-Китайском банке фр. 15 680 000

*В Русско-Азиатском банке в Шанхае амер. долл.
1170*

¹ Таэль (лан, лана, лян) – мера веса серебра, использовавшаяся в Китае при расчетах на внутреннем рынке (до 1933 г.). Один таэль был равен приблизительно 1,3 унции серебра. Для измерения веса драгоценных металлов применяется тройская унция = 31,1 грамма.

² Так в источнике. Имеется в виду К. Е. фон Замен.

ф. ст. 3570

шанх. дайян 246 226

В банке Ландманс дат. крон 9 000 000

*В Июкогама Спеши банке и Чосен банке иен 818
657*

*У генерала Подтягина, бывшего военного атташе
Омского правительства в Японии иен 6 255 000*

*С 8 июля 1920 г., согласно книгам Кредитной
канцелярии, не было сделано никакой записи на
вышеозначенные счета.*

*В последние дни существования Омского
правительства по распоряжению Министерства
финансов все суммы были переведены на личные
счета финансовых агентов. Возврат этого золота
со счетов частных лиц, не представляющих никакого
правительства, явится лишь запоздалым актом
справедливости.*

Сходные данные были приведены в вышедшей в 1924 году в Харбине монографии «Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции» А. И. Погребецкого, бывшего управляющего финансами иркутского Политцентра, а затем финансовым ведомством Временного правительства Дальнего Востока – Приморской областной земской управы. Погребецкий среди прочего сообщал, что в последние дни своего существования Омское правительство, «опасаясь возможного перехода этих ценностей к революционной власти, сделало распоряжение за границу о

перечислении всех сумм на личные счета финансовых агентов».

Что же стало с немалыми суммами, оказавшимися на счетах различных финансистов за рубежом? Ведь правительство адмирала Колчака пало в январе 1920 года, не успев потратить миллионы фунтов стерлингов, долларов и иен. На протяжении десятилетий этот вопрос волновал историков и финансистов, породив обширную литературу, и не только научную. Так, английский писатель Брайан Гарфилд выпустил роман «Золото Колчака» (1974), где изобразил поиски нацистами якобы спрятанного где-то в шахте в Сибири золота, а затем борьбу за колчаковские сокровища ЦРУ и КГБ. Через двадцать лет другой британец – историк Джонатан Смиль – посвятил проблеме колчаковского золота обширную статью под названием «Золото белых: золотой запас Российской империи на антибольшевистском Востоке», в которой справедливо назвал историю колчаковского золота «незавершенной главой» русской Гражданской войны.

Еще в 1929 году парижская газета «Возрождение» писала, что, по слухам, золото, не попавшее в руки большевиков, было разделено на четыре части и где-то в Сибири зарыт клад на сумму 20 млн золотых рублей. Сообщения об экспедициях, время от времени отправляющихся на поиски «золотой шахты» или чего-то подобного, до сих пор появляются на страницах газет и журналов.

В 1990-х на страницах российской печати появилось мно-

жество публикаций о царском и колчаковском золоте, которое якобы находится в английских и японских банках и при помощи которого Россия сможет погасить свой внешний долг. Планировалось даже создать специальное агентство по розыску русского золота за рубежом. В начале XXI века страсти по золоту не утихают. Несколько лет назад была выдвинута версия, что эшелон с «золотом Колчака» утонул в озере Байкал, энтузиасты усмотрели на дне озера что-то блестящее и собирались спуститься туда в батискафе. Но так и не собрались.

Человеку, знакомому с историей русской Гражданской войны и русской эмиграции, на ум приходит мысль о том, что колчаковское «наследие» было потрачено на поддержку Белого движения (оно ведь продолжалось еще год после падения Колчака) и затем на помощь беженцам. Однако одно дело предполагать, другое – знать. Отсутствие достоверных данных позволяло некоторым российским историкам (вероятно, судившим о нравственности российских финансовых агентов по поведению отдельных современных банкиров) писать, что деньги финансистами Белого движения были просто «приватизированы».

Чем же объяснялось отсутствие достоверных сведений о судьбе колчаковских денег в российских архивах? Дело в том, что лица, причастные к хранению и расходованию казенных сумм, в последнюю очередь передавали в архивы финансовые документы, это «тайное тайных» российской «ди-

пломатии в изгнании», причем в архивы, находящиеся как можно дальше от Москвы. В Русском заграничном историческом архиве в Праге нет документов, относящихся к деятельности эмигрантских финансистов. Лица, причастные к хранению и расходованию государственных средств, стремились хранить документы подальше от любопытных глаз. Ведь деньги, как мы увидим из дальнейшего изложения, тратились на протяжении длительного времени.

Уже после Второй мировой войны бывший российский посол в Вашингтоне Б. А. Бахметев писал К. В. Деникиной, вдове одного из вождей Белого движения, по поводу намерения дочери М. В. Бернацкого – министра финансов Деникина и Врангеля, – продать (или сдать на хранение) его архив в Колумбийский университет в Нью-Йорке:

Опасаясь, насколько можно судить, что документы в руках дочери М. В. [Бернацкого] относятся к области делопроизводства официальных эмигрантских установлений, действовавших за границей после большевистского переворота. В значительной мере, как я полагаю, документы эти касаются распоряжения бывшими государственными суммами. Для историков документы не интересны. Но в руках большевиков или их друзей это будет чудный материал для демагогических выступлений и пропаганды.

Бахметев считал, что судьбу документов необходимо решать с участием сотрудников Бернацкого, «которые живы и

находятся в Париже и Лондоне», а доступ к ним может быть открыт не ранее чем через пятьдесят лет.

В конечном счете архив Бернадцкого все-таки оказался за океаном, в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете. Еще ранее российские дипломатические архивы стали направляться в Гуверовский институт войны, революции и мира при Стэнфордском университете в Калифорнии (тогда он назывался Hoover War Library – Гуверовская военная библиотека). Здесь же оказались архивы Белого движения на Юге России, вошедшие в фонд их последнего «владельца» – генерала П. Н. Врангеля, а также архивы российских посольств в Париже и Вашингтоне, личный фонд российского посла в Париже в 1917–1924 годах, а затем председателя Эмигрантского комитета В. А. Маклакова и многие другие материалы, без которых невозможно изучать историю русской Гражданской войны и эмиграции. Документы, относящиеся к интересующей нас проблеме, рассредоточены по различным фондам, которые находятся в основном в американских и британских архивах. Если бы кто-нибудь хотел специально запутать исследователя, он бы, наверное, не смог придумать ничего лучше того, что сложилось «естественным путем».

Смысл настоящего исторического «расследования» не только в том, чтобы поставить точку в затянувшихся дебатах о судьбе колчаковского золота и сэкономить время и силы

энтузиастов, надеющихся отыскать сокровища где-нибудь в тайге или на дне Байкала. История колчаковского золота – это стержень, на который будут нанизаны проблемы истории Белого движения и его заграничного финансирования, взаимоотношений белых и союзников, российской «дипломатии в изгнании» и некоторые другие.

В конечном счете, это еще одна попытка ответить на ключевой вопрос российской истории XX столетия: почему в Гражданской войне победили красные, а не белые?

«История денег» – предмет увлекательный, но он не является для нас самоцелью. «История денег» – это история людей, их взаимоотношений *по поводу* денег. Проблемами финансирования антибольшевистского движения, а затем помощи русской эмиграции занимались люди, оставившие немалый след в российской истории. Это были не только профессиональные финансисты вроде бывшего министра финансов Российской империи П. Л. Барка или агента российского Министерства финансов в Париже А. Г. Рафаловича. Среди них были генералы и общественные деятели, предприниматели и адвокаты, дипломаты и публицисты.

Проблема заграничного финансирования и снабжения Белого движения не сводится к истории колчаковского золота. Еще одним важным ресурсом было заготовленное, но так и не отправленное в Россию имущество, находившееся в США. Достаточно сказать, что его общий вес составлял около 500 тыс. тонн. За рубеж белые правительства отправляли

не только золото, но и платину, серебро, меха, вино, табак, зерно. Однако вырученные средства от эпизодических продаж не шли ни в какое сравнение с суммами, полученными в результате реализации золота. В настоящем издании я затрагиваю эти сюжеты косвенно, концентрируясь на истории «золота Колчака» и вырученных от его продажи денег. А история эта оказалась неожиданно долгой.

Для меня поиски «золота Колчака» начались случайно. Разбирая бумаги российского (досоветского) посольства в Вашингтоне, хранящиеся в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете, я обнаружил папку, содержащую телеграммы, которыми обменивались российские финансовые агенты в Вашингтоне и Токио весной 1921 года. В телеграммах речь шла о продаже золота. Вскоре я выяснил, что переговоры велись о продаже оставшейся части «золота Колчака». Я работал в то время над историей русской «дипломатии в изгнании», однако пройти мимо такой находки оказалось невозможно. Кто из нас не читал в детстве «Остров сокровищ»? И что может быть увлекательней, чем поиски пропавшего золота?

Разгадка «тайны века» содержалась в архивах, прежде всего в Гуверовском архиве в Калифорнии и в Бахметевском архиве при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Именно туда, подальше от докучливых советских агентов, отправляли секретные документы многие деятели Белого движения и русской эмиграции. Кроме того, в Государ-

ственном архиве Российской Федерации хранятся документы правительства Колчака, а также материалы эмигрантского Пражского архива. Важные документы фонда Госбанка РСФСР содержатся в Российском государственном архиве экономики. Однако исследования, проведенные в перечисленных архивах, не позволяли полностью восстановить историю «золота Колчака». Помогла нежданная находка в неожиданном месте. Разбирая вместе с Ричардом Дэвисом, хранителем Русского архива в Лидсе (Великобритания), бумаги парижского Земгора (еще не описанные и не каталогизированные), я обнаружил папки с надписью *Michelle de Giers*. И вскоре понял, что передо мной не что иное, как считавшаяся пропавшей часть архива парижского Совета российских послов! Его председателем был бывший посол в Риме Михаил Гирс, а после его смерти – бывший посол в Париже Василий Маклаков. Среди его бумаг нашлась розовая папка с несколькими машинописными листочками и записями, сделанными чудовищным почерком Маклакова. В них содержалась информация о том, что произошло с остатками денег, вырученных от продажи золота Колчака, после Второй мировой войны. После смерти Маклакова его бумаги оказались в архиве Земгора, а затем, в составе его коллекции, – в Лидсе. Это было недостающее звено.

Поиск пропавших сокровищ оказался делом весьма увлекательным. Но главное – обнаруженные материалы представляют в новом свете многие аспекты финансовой, диплома-

тической и политической истории Гражданской войны.

Глава 1. ДЕНЬГИ ДЛЯ «БЕЛОГО ДЕЛА»

Pecunia nervus belli.

Деньги – нерв войны.

Марк Туллий Цицерон

Воюющим странам денег всегда остро не хватает. Что же говорить о войне гражданской, которая наносит еще больший урон финансовой системе, чем война с внешним противником. В русской Гражданской войне положение белых было, с одной стороны, гораздо хуже, чем положение красных: под контролем большевиков оказались промышленный центр страны и ее основные транспортные артерии. С другой – в руки колчаковцев попала бóльшая часть российского золотого запаса на сумму более 645 миллионов золотых рублей.

ЗАГРАНИЧНЫЕ «ПУТЕШЕСТВИЯ» РУССКОГО ЗОЛОТА. ВНЕШНИЕ ЗАЙМЫ

Накануне Первой мировой войны императорская Россия занимала третье место в мире по размерам золотого запаса, уступая США и Франции. На 1 января 1914 года золотой запас России оценивался в 1695 млн руб. (без учета так называемого «золота за границей», хранившегося на счетах в иностранных банках для обеспечения расчетов и поддержания курса рубля). На январь 1915 года золотой запас Франции оценивался в 168 млн ф. ст., России – 150 млн, Англии – 90 млн.

Золотое содержание рубля, согласно Монетному уставу 1899 года, составляло 0,77423 грамма чистого золота.

Физически основная часть российского золота – в монетах и слитках – находилась в хранилищах Государственного банка в Петербурге, переименованном в 1914 году в Петроград. С началом Первой мировой войны, продолжавшейся вопреки ожиданиям не месяцы, а годы, начались и путешествия российского золотого запаса. Часть золота была отправлена в Англию, для поддержания курса фунта стерлингов; в этой валюте кредитовались союзники Великобритании. Несмотря на переход на золотой стандарт, при меж-

дународных расчетах рубль практически не использовался, в то время как фунт стерлингов обслуживал около 80% мировой торговли. Российское золото фактически служило обеспечением кредитов, и нетрудно было предположить, что в страну оно уже не вернется: больно велики были заимствования, и России было бы чрезвычайно затруднительно вернуть долги в срок.

Финансовую политику союзников по отношению к истекающей кровью России и современники, и большинство исследователей оценивали как по меньшей мере сомнительную в моральном отношении. «Значит, с ножом к горлу прижимают нас добрые союзники – или золото давай, или ничего не получишь. Дай Бог им здоровья, но так приличные люди не поступают», – говорил на заседании Совета министров 19 августа 1915 года государственный контролер П. А. Харитонов. На некорректность поведения союзников указывал и главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин: «Они восхищаются нашими подвигами для спасения союзных фронтов ценою наших собственных поражений, а в деньгах прижимают не хуже любого ростовщика». Союзники, подчеркивал он, ведут себя «чересчур благоразумно» за счет России. Однако дело обстояло не так просто. «Мы тоже, – возражал Кривошеину министр иностранных дел С. Д. Сазонов, – благоразумно отступаем, когда наши неисчерпаемые резервы допускают риск сражения, даже не одного, а нескольких. У французов же все в окопах, ре-

зернов у них нет, и риск для них равносителен гибели». Харитонов, заметив, что неплохо было бы «поприжать» союзников, отметил ради справедливости заслуги Англии: «Без ее флота Петроград давно бы не существовал».

Министр финансов П. Л. Барк стремился вернуть своих коллег от морально-теоретических дискуссий к более земным проблемам. Он указывал, что речь идет о платежах в США, куда союзники сами вывозят золото, и что если «мы откажемся вывезти золото, то мы ни гроша не получим в Америке и с нас за каждое ружье американцы будут требовать платы золотом». Отвечая на реплику князя В. Н. Шаховского, считавшего вывоз золота недопустимым, так как это поведет к расстройству денежного обращения, Барк говорил: «Стоимость рубля находится в зависимости не от обеспечивающего его золота, а от перегруженности страны бумажными знаками и, больше всего, от удачливости военных действий. Охрана золотого запаса при запрете свободного размена – фетишизм». Итог дискуссии подвел Харитонов: «Несостоятельность России по американским платежам повлечет за собою такое падение курса, что рубль наш и 10 копеек не будет стоить. Как ни печально, но в данном вопросе приходится идти в хвосте у англичан и французов».

Автор исследования по финансовой политике России в период Первой мировой войны С. Г. Беляев справедливо замечает, что «принципиальная договоренность о вывозе золота в Англию была достигнута еще на парижской конфе-

ренции союзников в начале 1915 г., что было продиктовано затруднительным положением Банка Англии, а не желанием английского правительства воспользоваться трудностями своего русского союзника, которые тогда еще не усугубились до такой степени, как летом 1915 года».

Критика в адрес союзников раздавалась и позднее, когда состав кабинета министров существенно изменился, а вопрос об отправке золота возник вновь в связи с новыми заимствованиями российского правительства в Англии. В ходе заседания соединенного присутствия Совета министров и комитета финансов претензии Англии квалифицировались как «домогательства союзной державы», а участники заседания князь Шаховской, Н. Н. Покровский и С. И. Тимашев предсказывали, что золото в Россию уже не вернется. Одним из аргументов против отправки золота, выдвигавшимся российской стороной, было несоблюдение принципа финансовой солидарности Францией, которая не направила в распоряжение Английского банка золото в соответствии с Булонским соглашением министров финансов России, Англии и Франции. Российским финансистам также представлялось, что уровень «безопасности» устойчивости фунта, определенный Английским банком и Минфином, завышен.

Справка, предоставленная британским правительством в сентябре 1916 года, рисовала несколько иную картину: из общего количества отправленного в США золота на сумму свыше 220 млн ф. ст. менее 100 млн было внесено Россией,

Францией и Италией, а на долю собственно английских запасов приходилось более 120 млн. Британское посольство 20 сентября (5 октября н. ст.) 1916 года передало российскому правительству записку, в которой сообщалось, что «вклад» России составлял всего 28 млн ф. ст. Для выполнения Францией и Россией своих обязательств в полном объеме первая должна была передать в распоряжение Английского банка в общей сложности золота на 105 млн ф. ст., а вторая – на 68 млн. При этом кредиты России были «почти в два раза больше, чем кредиты Франции».

С начала войны по 1916 год Франция вывезла в Нью-Йорк, Лондон и Мадрид золота на сумму почти миллиард франков. Масштабы были весьма внушительны и существенно превышали вклад России. Таким образом, обижаться не приходилось, тем более что нужда в валюте становилась все острее. В результате за годы войны в кладовые Английского банка было доставлено русского золота на 68 млн ф. ст. (из них на 8 млн ф. ст. было продано), и российский золотой запас значительно «похудел».

Шансов на возвращение золота было немного. Российский Государственный банк получал за отправленное золото беспроцентные обязательства английского казначейства, депонированные в Банке Англии. Их погашение предусматривалось в период с 5 января 1919 года по 8 декабря 1921-го. Вряд ли Россия смогла бы выкупить «одолженное» золото, даже если бы большевистского переворота не случилось. Ес-

ли бы она оказалась полноправным участником мирных переговоров, возможно, встал бы вопрос и о реструктуризации ее долгов. Однако это лишь воображаемые возможности, реальность оказалась страшнее любых фантазий, а проблема золота и внешних заимствований разрешилась совершенно неожиданным образом.

Собственными силами обеспечить снабжение армии и промышленности Россия не могла. Для закупок вооружения, боеприпасов и других предметов снабжения в сентябре 1914 года в Лондоне был создан Англо-Русский комитет, преобразованный в октябре 1915-го в Русский правительственный комитет, начальником которого был назначен генерал-лейтенант, инженер по образованию, Э. К. Гермониус (впоследствии возглавивший Управление заграничного снабжения армий белых). Закупки производились в кредит. Британская промышленность не могла справиться с обеспечением всем необходимым помимо собственной армии еще и двух союзных – французской и русской. Все больше заказов союзники начали размещать на американском рынке; причем если англичане могли кредитоваться напрямую, то Россия расплачивалась за заказы в основном британскими кредитами.

Российский золотой запас сократился с 1208 тонн в конце 1914 года до 850 тонн в феврале 1917-го. Накануне Октябрьского переворота Временное правительство отправило золота на 5 млн руб. в Швецию.

Итоги заграничного кредитования царского и Временного правительств выглядят следующим образом. Львиная доля средств была заимствована в Англии – 582,2 млн ф. ст. (5 506,2 млн зол. руб.). Другими кредиторами России были Франция – 4250 млн фр. (1 593,8 млн зол. руб.), США – 273,7 млн долл. (531 млн зол. руб.), Япония – 296,5 млн иен (287,2 млн зол. руб.), Италия – 36,1 млн лир (13,5 млн зол. руб.). Всего военные долги России составили 7 931,7 млн зол. руб. Приведенные цифры являются наиболее достоверными, ибо подсчеты произведены лицами, непосредственно занимавшимися вопросами получения и распределения кредитов, а именно последним директором Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов Российской империи, а затем Временного правительства Конрадом Евгеньевичем фон Заменом и его бывшими сотрудниками А. Э. Ломейером, Ю. С. Павловским и П. К. Фетерлейном.

В литературе приводятся и другие цифры, причем советские историки были склонны занижать российский военный долг, отказываясь учитывать суммы, выданные «после Октябрьской революции представителям старой власти» и использованные ими «в контрреволюционных целях». Как бы то ни было, после Октябрьского переворота «представители старой власти», находившиеся за границей, столкнулись с серьезными финансовыми проблемами.

ЗАХВАТ. ЗОЛОТО: ОТ КАЗАНИ ДО ОМСКА

Золото перемещалось не только за границу. Осенью 1915 года германские войска, вторгшиеся в Прибалтику, вышли к рубежу Западной Двины; это побудило российские власти отправить часть золотого запаса – 526 мешков золотой монеты – в обширные кладовые Казанского банка. Золото из Петрограда, находившегося в опасной близости от линии фронта, перемещалось и в другие отделения Государственного банка во внутренних губерниях. После захвата власти большевиками в силу различных обстоятельств сосредоточение золота в Казани продолжалось. В мае 1918 года туда доставили золото, хранившееся в Тамбовском отделении Госбанка, в июне прибыло золото из Московской и Самарской контор Госбанка, а вместе с ним вывезенные ранее из Петрограда ценности Монетного двора, Главной палаты мер и весов и Горного института. Всего в хранилищах Казанского банка оказалось около 80 тыс. пудов драгоценностей – золота, платины, серебра.

Однако еще недавно безопасное Поволжье оказалось в эпицентре Гражданской войны. Выступление против большевиков чехословацкого корпуса в мае 1918 года, образование 8 июня в Самаре эсеровского (разбавленного затем представителями других партий) Комитета членов Учредитель-

ного собрания (Комуча), формирование Народной армии – все это положило начало антибольшевистскому фронту. Со своей стороны, большевики создали Восточный фронт. В Поволжье развернулись ожесточенные бои. В этой обстановке Совет народных комиссаров принял решение об эвакуации золота из Казани. 28 июля в Казань для вывоза ценностей в Нижний Новгород из Москвы прибыла Особая экспедиция (состоявшая всего из трех человек) во главе с инспектором Народного банка К. П. Андрушкевичем. Местные большевики и командование Восточного фронта должны были оказывать содействие Особой экспедиции.

Вывезти золото было физически непросто. Для доставки его к пристани командующий фронтом И. И. Вацетис приказал форсированными темпами проложить к зданию банка трамвайные пути. Вывоз был намечен на 5 августа, однако именно в этот день развернулись бои за город. Особой экспедиции удалось вывезти на четырех автомобилях лишь 100 ящиков золота и несколько мешков кредитных билетов. Стоимость вывезенного большевиками золота составляла около 6 млн руб.

К полудню 7 августа 1918 года «Казань была в наших руках со всеми ее колоссальными запасами и с ее исключительным влиянием», – записал один из руководителей штурма города, управлявший военным ведомством Комуча эсер В. И. Лебедев. Решающую роль при захвате Казани сыграли чехословацкие формирования и части Народной армии под

командованием подполковника В. О. Каппеля, впоследствии одного из самых прославленных командиров войск белых. «В Казани мы взяли 30 000 пудов золота, на 100 миллионов рублей кредитных знаков, всю платину, которая была в российских банках, массу серебра и на неисчислимую сумму процентных бумаг, свезенных сюда из всех главных банков России. Все это было мною немедленно отправлено в Самару...» – свидетельствовал Лебедев.

Один из каппелевских офицеров вспоминал, что «перевозочных средств не было, все было захвачено убежавшими красными». По приказу Каппеля к зданию Госбанка были поданы трамвайные вагоны, на которые и грузили золото: «Добровольцы, как муравьи, поодиночке и группами переносили ящики из кладовых банка, где на полу было рассыпано много золотых монет: видимо, уже начали грабить большевики, но не успели... Добровольцы подбирали с пола монеты и передавали их Каппелю, кладя на стол, за которым он сидел. Тогда никому в голову не приходило взять закатившуюся золотую монету себе на память. Все подобранные монеты назначенная Каппелем комиссия аккуратно пересчитывала и снова укладывала и забивала в ящики и отправляла вместе с другими ящиками на пароход „Фельдмаршал Суворов“. Было погружено 650 000 000 золотых рублей в монетах, 100 миллионов рублей кредитными знаками, слитки золота, запас платины и другие ценности».

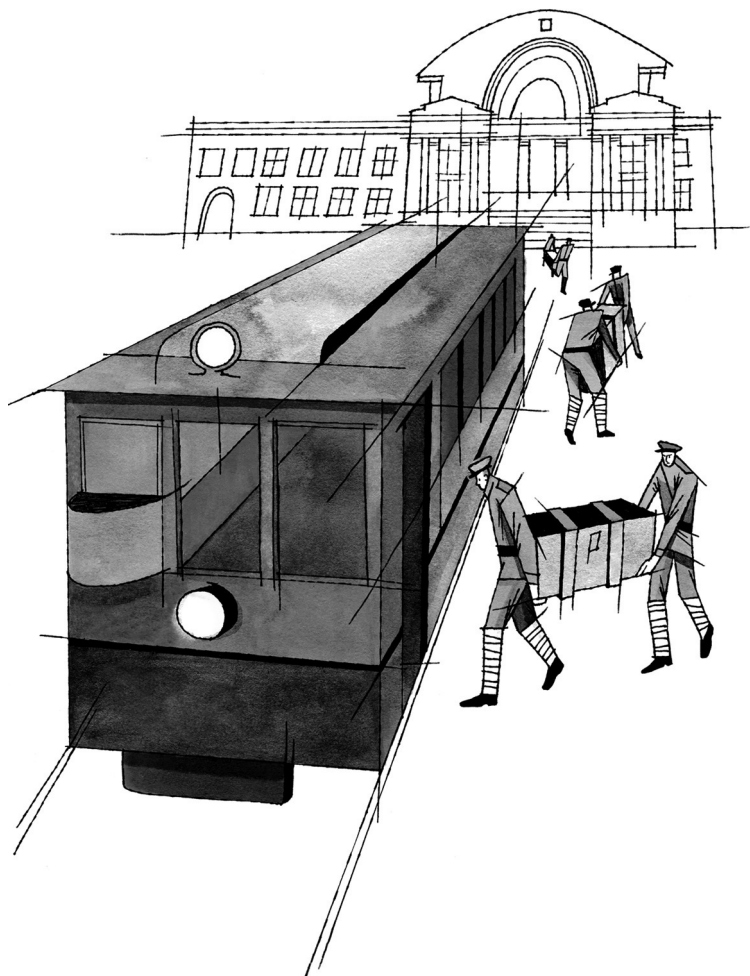
Использование трамвайных вагонов для перевозки золо-

та – едва ли не самый экзотический способ транспортировки такого рода груза – было не только проявлением изобретательности Каппеля. Трамвайные пути к зданию Госбанка были проведены по приказу командующего красных, ибо перевозка золота на немногочисленных и не очень надежных автомобилях заняла бы много времени и привлекла нежелательное внимание.

Воспоминания о «немедленной» отправке золота еще раз демонстрируют, какая ненадежная штука память. На самом деле золото было отправлено из Казани в Самару примерно через две недели на двух пароходах, один из которых, оснащенный орудиями и пулеметами, специально прибыл из Самары в сопровождении особого офицерского отряда. 22 августа «Вестник Комуча» сообщил: «В. Лебедев телеграфировал Комучу, что им закончена отправка из г. Казани в г. Самару российского золотого запаса».

Через месяц из Самары золото отправилось в Уфу; простояв около недели в Уфе, где даже успели разгрузить один состав, 6 октября «золотые эшелоны», ввиду угрозы захвата города большевиками, отправились дальше на восток. К этому времени конфигурация власти «демократической контрреволюции», по определению министра труда Комуча и будущего советского академика И. М. Майского, заметно изменилась. 23 сентября 1918 года решением Государственного совещания в Уфе было образовано Временное Всероссийское правительство (Директория). При этом предполагалось

объединение всех антибольшевистских правительств Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Но на деле различные правительства продолжали существовать, а их члены вели борьбу за контроль над будущим объединенным правительством или за места в нем. Золотой запас был весомым аргументом в руках Совета управляющих ведомствами (правительства) Комуча.

С образованием Директории Комуч официально прекратил свое существование, а Совет управляющих ведомствами перешел на положение областного уфимского правительства, но расставаться с золотом Совет не спешил. Сибирское правительство аргументировало необходимость отправки золота в Омск соображениями безопасности. Очевидно, что политические причины играли не меньшую, если не большую роль. Тем не менее золотой запас перевезли поначалу в Челябинск, и уже оттуда, совершенно неожиданно для членов Совета управляющих, он был отправлен в Омск, куда и прибыл 13 октября 1918 года. Решающую роль в отправке золота сыграл министр финансов Временного Сибирского правительства (затем – министр финансов Директории) И. А. Михайлов.

Произошло это при следующих обстоятельствах. Члены уфимского Совета управляющих ведомствами в полном составе отправились искать надежное хранилище для золота, оставив «золотой поезд» без надзора официальных лиц. Надежным сочли зернохранилище Государственного банка. Однако когда деятели бывшего Комуча вернулись на станцию, поезда там уже не оказалось. Его «угнал» Михайлов. Почему охрана выполнила его указания? Дело было не в подкупе и даже не в том, что офицеры охраны не сочувствовали эсеровскому правительству: просто они выполнили приказ своего начальства – командующего Сибирской армией гене-

рала П. П. Иванова-Ринова, к которому с соответствующей просьбой обратился Михайлов. Так, по остроумному замечанию Дж. Смила, произошла самая крупная кража золота в истории. Правда, скандала не случилось: деятели Комуча не хотели выглядеть глупцами.

В литературе – и «красной», и «белой» – муссировалась тема грабежа либо растраты народного достояния при транспортировке золота в Омск. Между тем в финансовых документах отражен только один случай пропажи золота – при разгрузке золота в Уфе рассыпались золотые монеты из поврежденного мешка, в результате чего было похищено 410 руб. Недосчитались также нескольких иностранных монет, по-видимому, выпавших из прохудившихся мешков, – в рублевом эквиваленте на сумму 146 руб. 39 коп.

Пересчет, произведенный в Омске в апреле–мае 1919 года группой служащих Минфина и Госбанка под руководством старшего кассира Н. П. Кулябко, показал, что в наличии (считая слитки и монеты, отправленные к тому времени во Владивосток, о чем речь ниже) имелось золота на 645 410 610 руб. 79 коп. Разницу – 6 123 796 руб. 42 коп. – составила стоимость золота, содержавшегося в 100 ящиках, увезенных из Казани большевиками накануне ее падения, а также «непокрытого недочета в поврежденных мешках» и не нашедшего «удовлетворительного объяснения» расхождения в наличии дефектной монеты и монеты старого чека на по документам и по результатам проверки. Последнее яв-

лялось скорее результатом путаницы в документах, нежели хищения. В некоторых случаях оценки золота различными «инстанциями», ответственными за его аффинаж (специальную обработку для отделения золота от примесей) и хранение, существенно расходились. Так, стоимость золота, которое находилось в 17 почтовых посылках, присланных из золотоплавочных лабораторий на адрес Монетного двора, была определена лабораториями в 499 898 руб., а Московской конторой Госбанка – в 486 598 руб.

Акты, составленные при передаче 100 ящиков золота представителям Москвы, по неизвестным причинам не были вывезены из Казани. Исходя из того, что в стандартном ящике находилось монет примерно на 60 тыс. руб., большевики располагали золотом на 6 млн руб. из недостающих 6 123 796.

Впрочем, увезенное большевиками золото формально не было списано. По результатам проверки золотого запаса, завершившейся 10 мая 1919 года, была обнародована сумма 651 532 117 руб. 86 коп. Правда, ее следует считать приблизительной, поскольку, как говорилось в подготовленной работниками Госбанка справке, «многих документов на эвакуированное золото не имеется, а проверка его по натуре затруднена как его большим количеством, так и отсутствием точных приборов для определения веса и главным образом данных о пробе на некоторых слитках».

Кроме золота в российской и иностранной монете, слит-

ках, кружках и полосах, в Омск были доставлены 514 ящиков с неаффинированным золотом, золотыми и платиновыми самородками и другими ценностями Монетного двора, 17 посылок золотосплавочных лабораторий, а также банковое и разменное серебро.

Среди бумаг Госбанка имеется «Справка по золоту», датированная (дата проставлена карандашом) 7 марта 1920 года; в ней приведены иная сумма (6 122 021 руб. 07 коп.) и иная версия ее происхождения. Согласно автору справки (подпись неразборчива), эта сумма была выведена путем сложения стоимости золота, доставленного в Омск, и стоимости ценностей Главной палаты мер и весов и Монетного двора, содержащихся в 514 ящиках.

Среди госбанковских бумаг нами обнаружен также недатированный и неподписанный текст (относящийся к тому же времени, что и цитированная «Справка по золоту»), в котором говорится, что «правильная оценка» содержимого 514 ящиков Монетного двора «не могла быть произведена, и означенные ценности числились на балансе в произвольной сумме 6 122 021 руб. 07 коп.».

В документах Госбанка и Минфина неоднократно упоминается, что содержимое ящиков осталось «нерасцененным», что стоимость слитков золотистого серебра и серебристого золота, «впредь до отделения золота от серебра, не может быть определена даже приблизительно». Ни о какой оценке «в произвольной сумме», тем более с точностью до копеек,

речь не идет. На чем основывался и какой логикой руководствовался составитель «Справки по золоту», нам неизвестно. Не исключено, что сотрудники Госбанка не хотели продемонстрировать новым хозяевам, что оставили на балансе «колчаковского» банка золото, эвакуированное из Казани представителями «рабоче-крестьянского» правительства.

Для нас важно, что, какая бы сумма ни была обнародована для публики, в Омске оказалось золота на 645 410 610 руб. 79 коп. И сумма эта приблизительная, ибо золото лишь частично было пересчитано физически, а документы не всегда точно отражали реальное содержание ящиков и мешков. Это таило в себе возможность различных сюрпризов, и, как увидим в дальнейшем, не всегда неприятных.

МИНИСТР ФИНАНСОВ, ОН ЖЕ ВАНЬКА КАИН

Человек, «умыкнувший» золото из-под носа деятелей Комуча, 28-летний Иван Адрианович Михайлов был, вероятно, самым молодым министром финансов в истории России. Это был чрезвычайно способный человек с весьма необычной биографией. Он был сыном известного революционера-народника, члена «Земли и воли» А. Ф. Михайлова. В биографических справках об И. А. Михайлове его неизменно называют сыном народовольца; несомненно, при этом сведения о нем черпают из книги Г. К. Гинса, повторяя содержащуюся в ней ошибку. «Народная воля» была создана почти через год после ареста А. Ф. Михайлова. Адриан Михайлов прославился участием в одном из самых знаменитых террористических актов 1870-х годов – убийстве 4 августа 1878 года шефа жандармов генерала Н. В. Мезенцова в Петербурге. Мезенцова заколол кинжалом С. М. Кравчинский (будущий писатель Степняк). Кучером пролетки, на которой террорист скрылся с места покушения, был Адриан Михайлов. После ареста он был приговорен к повешению, замененному 20-летней каторгой. Каторгу Михайлов отбывал в Карийской каторжной тюрьме Забайкальской области. Выйдя в «вольную команду» (по официальной терминологии – «в каторжные внетюремного разряда»), в 1890 году он женился на Г.

Н. Добрускиной, члене «Народной воли» эпохи ее упадка, которая по «Лопатинскому процессу» была приговорена к смертной казни, замененной восемью годами каторги. В этой каторжной семье смертников и родился сын Иван.

Годы каторги и ссылки не остудили революционного темперамента родителей будущего архитектора диктатуры Колчака. В 1905 году, находясь на поселении в Чите, они примкнули к эсерам. Михайлов был негласным редактором газеты «Забайкалье», Добрускина занималась практическими делами: участвовала в организации побега первого русского террориста нового столетия П. В. Карповича, в подготовке убийства тюремного инспектора Метуса и т. п. Однако ее участие в этих «славных делах» осталось нераскрытым, а А. Ф. Михайлов был арестован и едва не попал под расстрел. Спасла ведомственная конкуренция: он числился за Министерством юстиции, которое не согласилось передать его в распоряжение карательного отряда генерала П. К. Ренненкампа, и Михайлов отделался годом заключения в крепости. Впрочем, по крайней мере одному члену рода Михайловых суждено было быть расстрелянным.

Современники, говорившие и писавшие об Иване Михайлове, непременно упоминали место его рождения и отца-революционера, но никогда – мать. Похоже, Иван Михайлов не стремился афишировать, что был наполовину евреем. В пропитанном антисемитизмом белом Омске это не способствовало политической карьере. Рогачевская мещанка Генриетта

Добрускина родилась в бедной еврейской семье. Ее отец, по словам Генриетты, был «романтик и мечтатель, далекий от жизни, свободолюбивый и патриот, мечтавший о Иерусалиме и грезивший им». Он писал на иврите стихи, жил некоторое время в Париже, где бывал у боготворимого им Виктора Гюго, и добрался-таки до Палестины, где и умер. Его дочь была не менее романтична, только предмет ее романтического увлечения иной – русская революция. Она была, несомненно, крещеной, иначе не смогла бы выйти замуж за православного.

В июне 1907 года Михайлов и Добрускина по «виттевской амнистии» уехали в Европейскую Россию, жили в Одессе, после революции – в Ростове-на-Дону. Добрускина «работала среди женщин-работниц», а в 1917 году была избрана в Одессе в Совет рабочих депутатов. К сожалению, нам неизвестно, поддерживали ли старые революционеры какую-либо связь с сыном в период Гражданской войны. В своих автобиографиях, написанных в 1926 году, они об Иване не упоминают ни словом, что, впрочем, неудивительно. Остается добавить, что А. Ф. Михайлов умер в 1929-м, Добрускина – в 1945 году.

Вернемся, однако, к сыну пламенных революционеров (это тот случай, когда навязший в зубах оборот можно употреблять без кавычек).

И. А. Михайлов учился в гимназии в Чите, затем окончил экономическое отделение юридического факультета Петро-

градского университета, при котором и был оставлен «для приготовления к профессорскому званию» (по современной терминологии – в аспирантуре) по кафедре политической экономии. Михайлов, несомненно, обладал организаторскими способностями и был толковым исследователем. В годы Первой мировой войны он заведовал петроградским отделением экономического отдела Всероссийского земского союза. После Февральской революции стал одним из ближайших сотрудников А. И. Шингарева и состоял на службе в Министерстве земледелия, затем в Министерстве финансов. Позднее он состоял управляющим делами Экономического совета при Временном правительстве, принимал деятельное участие в работе Центрального бюро профессиональных союзов в Петрограде. Не забывал Михайлов и о своих сибирских корнях: с декабря 1917 года состоял товарищем председателя Петроградского союза сибиряков-областников.

При всей этой бурной и многосторонней деятельности Михайлов умудрялся заниматься исследовательской, точнее, исследовательско-статистической работой. В 1916 году вышла его брошюра «Война и наше денежное обращение. Факты и цифры» (Пг., 1916. 48 с.) в серии «Война и экономическая жизнь», издававшейся Всероссийским земским союзом под редакцией П. Б. Струве; в следующем году Михайлов выпустил в той же серии книгу «Государственные доходы и расходы России во время войны. Факты и цифры» (Пг., 1917. 163 с.). Г. К. Гинс пишет, что Михайлов со-

ставил также книгу «Исчисление народного дохода России в 1900 и 1913 годах», изданную под редакцией видного экономиста и политического деятеля С. Н. Прокоповича, однако нам это издание обнаружить не удалось.

Политические убеждения Михайлова были неясны даже людям, близко его знавшим. В начале революции он как будто был социалистом-революционером. Возможно, сказалась семейная традиция. Впрочем, кто тогда не был эсером? Партия стремительно «распухла» до более чем полумиллиона членов. Позднее, в Омске, Михайлов, по свидетельству Гинса, «проявил себя сторонником умеренной демократической политики и всегда поддерживал решительные меры, направленные против левых течений революции, причем обнаруживал много смелости, находчивости и несомненную даровитость».

Особую даровитость Михайлов проявил в различных интригах, плетении заговоров и даже организации политических убийств. Это ярко проявилось в период борьбы за власть между различными фракциями Сибирского правительства в сентябре 1918 года. В частности, ему приписывали организацию убийства эсера А. Е. Новоселова. Последнее не было юридически установлено, и официально Михайлов не рассматривался в качестве подозреваемого. Чехословацкое командование издало приказ об аресте Михайлова, и ему пришлось некоторое время скрываться, но вскоре этот приказ был отменен. По мнению Гинса, убийство было делом

рук «какого-то „услужливого медведя“ из мелких офицеров; оно было результатом озлобления, психоза реакции против большевиков и социалистов». Следует, впрочем, иметь в виду, что Гинс входил в «группу Михайлова». Как бы то ни было, в Омске мало кто сомневался, что за этим убийством (как и за некоторыми другими) стоял Михайлов. Тогда-то эсеры и прозвали его «Ванькой-Каином», чему, несомненно, способствовало и «каторжное» происхождение министра. Были и более благородные прозвища: «сибирский Борджиа» и «сибирский Макиавелли».

По воспоминаниям Гинса, Михайлов был «наиболее подвижным и энергичным» членом Сибирского правительства. «Он казался вездесущим и всезнающим... Никто не умел так быстро овладевать предметом спора и так легко формулировать заключительные положения, как он... Молодость его проявлялась в постоянной жизнерадостности и неутомимости». Обратной стороной молодости были «непостоянство и задор».

Революция – время молодых. В Гражданскую войну выдвинулись юные командармы: 25-летний Михаил Тухачевский у красных и 28-летний Анатолий Пепеляев у белых. Жизнь, однако, показала, что командовать армией гораздо проще, чем налаживать финансовую систему. Тем более лишь в одной части страны. А энергия, молодость и знания не всегда являются достаточными для этого условиями.

Недалек от истины наблюдательный и желчный генерал А.

П. Будберг, писавший о Михайлове:

Выброшенный революционной волной на пост руководителя финансовой политики разрушенного Российского Государства в тяжчайшие минуты его исторического бытия, он принес с собою самонадеянность, молодую смелость, огромное честолюбие и властолюбие и минимум глубоких финансовых знаний, не приобретаемых чтением университетских книжек, а даваемых долгой и обширной практической деятельностью.

Как бы то ни было, этому способному, самонадеянному и честолюбивому молодому человеку суждено было определять финансовую политику Белого движения на востоке России и, среди прочего, иметь самое непосредственное отношение к судьбе имперского золотого запаса.

ОТ ДИРЕКТОРИИ К ДИКТАТУРЕ КОЛЧАКА

Вслед за золотым запасом двинулась в Омск и Директория. В состав этого «коллективного диктатора» формально входили эсер Н. Д. Авксентьев (председатель), кадет Н. И. Астров, близкий к эсерам генерал В. Г. Болдырев, сибирский областник, председатель Совета министров Временного Сибирского правительства П. В. Вологодский, народный социалист, глава Временного правительства Северной области Н. В. Чайковский. Поскольку физически Астров и Чайковский были далеко, их замещали кадет В. А. Виноградов и эсер В. М. Зензинов. Директория должна была символизировать единство антибольшевистских сил и сделаться более эффективной властью, нежели Комуч. Прибыла она в будущую столицу Белой Сибири 9 октября 1918 года.

Прежде всего Директории удалось добиться роспуска многочисленных местных правительств (областных, казачьих, национальных). 3 ноября 1918 года было распущено Временное Сибирское правительство, а его ключевые деятели вошли в состав Совета министров при Директории, который был согласован уже 3—4 ноября. Его председателем стал Вологодский, военным и морским министром — адмирал А. В. Колчак, министром финансов — Михайлов, управляющим Министерством иностранных дел — Ю. В. Ключников. Суще-

ствовать объединенному правительству суждено было всего две недели: Директория казалась военным кругам и многим сибирским деятелям чересчур левой, а «коллективная диктатура» – неэффективной.

18 ноября 1918 года в Омске произошел переворот; Директория была свергнута, а ее военный министр адмирал Колчак провозглашен Верховным правителем России. С тех пор к казанскому золоту навсегда прилипло наименование «колчаковское».

Одним из организаторов переворота был министр финансов Михайлов, а некоторые другие члены правительства, хоть и не участвовали в его подготовке, были осведомлены о планах заговорщиков и одобрили происшедшую смену власти. Колчак был объявлен Верховным правителем и произведен в полные адмиралы. Последнее походило на фарс: знаменитый флотоводец и полярный исследователь получил высший морской чин от группки случайных и сугубо сухопутных адвокатов, экономистов и общественных деятелей, после того как группа казачьих офицеров арестовала их бывшее начальство. Теперь правительство стало именоваться Российским, его председателем остался Вологодский; сохранили свои посты почти все министры, за исключением тех, кто был тесно связан с Директорией. Как мы знаем, этому правительству не довелось стать российским, как и Колчаку – Верховным правителем страны. Из Омска им суждено было двигаться не на запад, к Москве, а на восток, к гибели или

эмиграции.

Но все это в будущем, хотя и не столь отдаленном; а пока правительство в поисках поддержки обратило свои взоры за рубеж: оно рассчитывало на помощь союзников, которые, вероятно, приложили руку к перевороту и лоббировали кандидатуру Колчака на роль диктатора. Однако ожидания оказались чересчур оптимистичными. Союзники не собирались включаться в вооруженную борьбу с большевиками, и присутствие их войск в России было ограниченным. Не приходилось рассчитывать и на серьезные финансовые вливания. Вполне прав был советник МИД во Владивостоке (где находились резиденции представителей иностранных держав) В. Э. Гревс, когда на запрос Ключникова о возможности получения финансовой помощи от союзников ответил: «Они бояться рискнуть деньгами на неустроенное государство, а, мне кажется, охотнее пойдут на помощь в виде льготных поставок в кредит военных и других материалов...»

Действительно, союзники предоставили Омскому и другим белым правительствам военные и прочие материалы. Однако эта помощь не была ни достаточной, ни бескорыстной. Приходилось изыскивать дополнительные источники финансирования и снабжения за рубежом, ибо Сибирь не располагала необходимыми ресурсами для снаряжения массовой армии, да и для снабжения населения всем необходимым. В разной мере это относилось и к другим районам, контролируемым противниками большевиков. За границей, как

предполагали колчаковские финансисты и дипломаты, должны были оставаться на счетах российских дипломатических и заготовительных учреждений остатки кредитов, выделенных еще Временному правительству, а также храниться заготовленное, но еще не отправленное в Россию имущество. Поэтому естественно, что одним из первых движений колчаковского правительства было установление связи с российскими представителями за рубежом, которые уже около года находились в странном положении послов без правительства и которым предстояло сыграть ключевую роль в поисках денег для «Белого дела».

ДИПЛОМАТИЯ В ИЗГНАНИИ

Правительство, пришедшее к власти в Петрограде в октябре 1917 года и вскоре заключившее перемирие с Центральными державами, не было признано не только союзниками, но и российскими дипломатическими представителями. И хотя нарком иностранных дел Л. Д. Троцкий вскоре издал приказ об увольнении непокорных послов, правительства стран аккредитации по-прежнему признавали их законными представителями России.

Однако помимо признания необходимо было изыскать средства на содержание посольств и дипломатических миссий. В разных странах эта проблема решалась по-разному. Казенные средства, находившиеся на счетах российских учреждений во Франции и Англии, как и заготовленное для отправки в Россию имущество, были секвестированы. Правда, французское и британское правительства фактически взяли на содержание российские посольства в Париже и Лондоне. Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков пытался добиться от британского правительства кредитов на содержание российских дипломатических учреждений не только в Великобритании, но и в других странах. В конечном счете британцы на это не согласились – из-за отказа Советов платить по долгам царского и Временного правительств и варварских мер большевиков в отношении

иностранных посольств и миссий. Это была скорее эмоциональная реакция, но противникам большевиков пришлось расплатиться по их счетам. Некоторые посольства и миссии могли позаимствовать часть казенных средств, находившихся на их счетах, для помощи соотечественникам за границей и для других целей. Если на это шли, то с большой неохотой. Посланник в Пекине князь Н. А. Кудашев получил в декабре 1917 года в Русско-Азиатском банке беспроцентный заем в 40 тыс. ф. ст. на треть года (российские дипломатические учреждения получали финансирование по третям года) под обеспечение «боксерским вознаграждением» – контрибуцией, уплачиваемой китайским правительством в порядке компенсации за ущерб, нанесенный во время Боксерского восстания 1900 года. Из этих средств финансировались все российские дипломатические учреждения на Дальнем Востоке. Впоследствии кредит был увеличен до 45 тыс. ф. ст. Посланник в Мадриде М. А. Стахович, прибывший к месту службы уже после большевистского переворота и не вручивший верительных грамот, жил некоторое время за счет личных средств.

В лучшем положении оказался посол в Вашингтоне Б. А. Бахметев, которому американское правительство разрешало тратить (под его контролем) казенные средства, переведенные поначалу на личные счета посла. Посольство в Вашингтоне не только получало прежнее содержание, но и сумело также оказать поддержку российским представительствам в

Южной Америке и Испании.

Российская миссия в Греции существовала за счет кредитов греческого МИДа. Так, в июне 1918 года миссии был предоставлен без всяких условий кредит в размере 600 тыс. драхм. На самом деле греки предоставили даже несколько большую сумму – 645 053 драхмы. Кроме того, миссия ежегодно получала по 300 тыс. фр. в счет погашения займа, предоставленного Россией Греции в 1839 году. В декабре 1917 года размен 300 тыс. фр. на драхмы дал 270 950 драхм, в декабре 1918 года – 286 874.

Деньги пошли на содержание миссии, посланника, советника, консулов, агентов (атташе), оплату телеграмм (стоивших в то время чрезвычайно дорого – посланник Е. П. Демидов даже смету в Омск послал по почте в целях экономии). На лечение солдат, займы и пенсии пошло 55 тыс. драхм. Долг телеграфу за 1917 и 1919 годы «вследствие усиленной передачи телеграмм» возрос к 1 сентября 1919-го до 217 015 драхм. При этом посланник свое содержание (79 800 драхм) за 1918 год не получал. Демидов был из тех самых Демидовых, князей Сан-Донато, и мог себе это позволить. Греческое правительство продолжало и далее субсидировать российскую миссию, выдав содержание еще на три месяца, с 1 сентября до 1 декабря 1919 года по старому стилю.

К необычным источникам финансирования обратились российские дипломаты в Аргентине. По смете 1917 года на содержание миссии в Буэнос-Айресе предоставлялось 3323

ф. ст. и 2323 ф. ст. – на содержание консульства. По данным товарища министра иностранных дел Омского правительства В. Г. Жуковского, «со времени большевистского переворота означенные установления существовали: Консульство за счет пошлинных сборов, а Миссия частью на личные средства посланника, частью же на доходы от церковного дома (около 40 ф. ст. в месяц) и на средства, предоставлявшиеся Посланнику православными сирийцами и „Русским Кружком“ в Росарио (16 ф. стерлингов в месяц)». Так продолжалось до октября 1919 года, когда Жуковский был вынужден просить товарища министра финансов перевести «Посланнику нашему в Буэнос-Айресе Е. Ф. Штейну по меньшей мере 1000 ф. стерлингов... ввиду истощения личных средств Посланника и крайней нежелательности дальнейшего существования российской Миссии за счет пособий, получаемых ею от частных лиц, частью при том иностранцев».

Дипломаты не ограничивались поисками средств для поддержания существования российских учреждений за границей. Они пытались влиять на политику стран пребывания и, в отсутствие центрального дипломатического ведомства, создали специальный орган для координации деятельности российских представителей. В конце ноября 1917 года в Париже было образовано Совещание послов, включавшее М. Н. Гирса (Италия), К. Д. Набокова (Англия), М. А. Стаховича (Испания), И. Н. Ефремова (Швейцария) и В. А. Ма-

клакова (Франция). Формально все российские послы значились членами Совещания, однако фактически, кроме упомянутых, активное участие в его работе принял только Бахметев. Совещание должно было обсуждать текущую политику и вырабатывать общую позицию, причем все решения должны были приниматься единогласно; председателем Совещания был избран Маклаков.

Цели, которые ставили перед собой дипломаты, сводились к предотвращению признания союзниками советской власти, обеспечению моральной и материальной поддержки белых войск, защите территориальной целостности России и отстаиванию ее национальных интересов; послы добивались также признания западными державами антибольшевистских правительств в России легитимными.

Среди членов Совещания профессиональные дипломаты составляли меньшинство. Одним из них был Михаил Николаевич Гирс, посол в Италии, старейшина русского дипломатического корпуса, потомственный дипломат – его отец Н. К. Гирс был министром иностранных дел в 1882–1895 годах. Гирсу уже перевалило за шестьдесят; он участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов и был награжден Георгиевским крестом в то время, когда председателю Совещания Маклакову еще не исполнилось и десяти лет. Другой карьерный дипломат – поверенный в делах в Англии Константин Дмитриевич Набоков – был почти на двадцать лет моложе Гирса. Он также был сыном министра – Д. Н. Набо-

кова, министра юстиции в 1878–1885 годах. Если Константин Набоков делал карьеру на государственной службе, то его старший брат, юрист Владимир Набоков, стал видным деятелем оппозиционной партии кадетов, депутатом I Государственной думы и даже отсидел три месяца в тюрьме за подписание Выборгского воззвания. В 1917 году В. Д. Набоков стал управляющим делами Временного правительства, обогнав брата на карьерной лестнице. Вряд ли братьям могло прийти в голову, что о них будут обычно вспоминать как об отце и дяде писателя В. В. Набокова, в 1918 году мало кому известного начинающего поэта.

Трое остальных были из «общественных деятелей» и думцев. Посланник в Швейцарии Иван Николаевич Ефремов – один из основателей Партии прогрессистов, член Государственной думы трех созывов, министр юстиции, затем государственного призрения во Временном правительстве. Михаил Александрович Стахович – некогда орловский предводитель дворянства, затем один из основателей Партии мирного обновления (в России партию с такими целями можно было бы с тем же успехом назвать «партией несбыточной мечты»), член Государственной думы двух созывов, затем – Государственного совета от орловского земства.

Самой яркой фигурой среди членов Сопещения послов, да и вообще среди российских дипломатов и общественных деятелей за границей, был Василий Алексеевич Маклаков. Знаменитый адвокат, видный деятель партии кадетов, Ма-

клаков трижды избирался в Государственную думу от Москвы. «Московский златоуст» считался одним из лучших ораторов России. В Думе его репутация как юриста и оратора еще более упрочилась. Маклаков совместно с И. Я. Пергаментом написал регламент Думы. Он был одним из адвокатов Бейлиса в знаменитом процессе и, по мнению многих современников, его речь сыграла решающую роль в оправдании приказчика кирпичного завода, обвиненного в ритуальном убийстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.